

1512 года, приведя указанное место перевода „Истории“, прибавляет глоссу: „сиречь вершие дубное“. Последнее соответствует греческому ἀκρόδρυα (верхние побеги дубов). По воззрению некоторых христианских писателей, Иоанн не мог питаться в пустыне саранчой (ἀκρίδες — «пружие» по старославянскому переводу), как об этом сказано в евангелиях (Матвея, 3, 4; Марка, 1, 6); согласно их представлениям, это нечистые животные, которыми человеку, тем более такому постнику, не подобает питаться. Поэтому ἀκρίδες истолковывались как ἀκρόδρυα... С этими воззрениями, несомненно, связано и упоминание переводчиком о „щепках деревянных“, т. е. молодых древесных побегах, как пище Крестителя.²¹ Как видно, объяснение этого места хотя и имеет большое значение для разрешения вопроса о первоначальной редакции текста «Истории Иудейской войны», в частности о использовании славянским переводчиком прототекста, остается все-таки нерешенным, по крайней мере по мнению издателя.

В сущности, загадка этого места очень давно исчерпывающе и правильно разгадана в одном интересном и важном исследовании бельгийского византолога Анри Грегуара.²² Изучая вопрос о пище, которую употреблял Иоанн Предтеча, автор приводит одно сообщение ранневизантийского писателя Исидора Пелусийского;²³ согласно последнему, загадочные ἀκρίδες, которыми питался отшельник, не животные, а ἀκρεμόνες βοτάνων ἢ φυτῶν, т. е. «des extrémités d'herbes ou de plantes». На основе богатого материала Грегуар доказывает, что, в то время как словом ἀκρεμόνες обозначали приблизительно то, что по-русски называется «побеги» («extrémités, sommités de plantes ou d'herbes»), иными словами — концы, отростки растений и трав, слово ἀκρόδρυα означало все плоды с твердой скорлупой (например, орехи грецкие, орехи лесные, миндаль и т. д.) и вообще плоды диких деревьев и растений; здесь имеются интересные параллели не только в греческом языке, но и в некоторых других европейских языках (например, немецкое Johannisbrotfrüchte, Johannisbeeren — «смородина» и др.). К вполне убедительным указаниям источников, приведенным бельгийским ученым, столь ли необходимо прибавлять другие.²⁴ Слово ἀκρόδρυα, впрочем, восходит к классической древности, и неудивительно, что в византийскую эпоху его точное значение было забыто или затуманено, а поэтому его начали объяснять «этимологически», т. е. механически разлагать на составные элементы. Аналогичный случай произошел, например, с поздневизантийским писателем Никифором Калистом Ксантопулом (около 1256—около 1317), который сообщает об Иоанне Крестителе, будто тот питался ἄκρα δρυῶν,²⁵ т. е. слово истолковано как ἄκρα δρυῶν «верхушки, концы деревьев». Если большой византийский писатель, каким был Никифор Калист Ксантопул, мог дать подобное объяснение, то тем более допустимо это для славянского писателя, знавшего преимущественно византийский язык, а не классический древнегреческий. Правильное объяснение спорного термина ἀκρόδρυα профессор Грегуар с полным основанием противопоставляет толкованию

²¹ Н. А. Мещерский. История..., стр. 492.

²² H. Grégoire. Les sauterelles de Saint Jean-Baptiste. Texte épigraphique d'une épître de S. Isidore de Péluse. — Byzantion, V (1929—1930), стр. 109—129, 111 и сл.

²³ Migne, P. G., CXXVIII, 269.

²⁴ Слово употреблено в Песни песней, IV, 13 и V, 1, переведено на славянский: «с плодом яблочным» и «плод овощей». См. объяснение слова: H. Stephanus. Thesaurus graecae linguae, I (Parisiis, 1851), 1317—1318, s. v. ἀκρόδρυα: quae in ambitu lignorum putamen habent, quod genus appellatione nusum apud Latinos continetur.

²⁵ Migne, P. G., CXLV, 676.